

АЛЕКСЕЙ КЛОЧКОВСКИЙ

СЕТЬ

Алексей Ключковский

Сеть

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Клочковский А.

Сеть / А. Клочковский — «Мультимедийное издательство
Стрельбицкого»,

Роман Алексея Клочковского «Сеть» - это произведение достаточно снобское, чтобы стать мегапопулярным и культовым. Мистический реализм и социальная сатира. Кому-то этот роман напомнит «Нейроманта» Гибсона, иным – «Альтиста Данилова» Орлова. Высокотехнологическая «пелевенщина» о том, что реально грядёт и изменит самое сокровенное каждого человека – его душу.

© Клочковский А.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

САЙТ 1	5
САЙТ 2	6
САЙТ 3	10
САЙТ 4	14
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Алексей Ключковский

СЕТЬ

САЙТ 1

В комнате, залитой сумраком, тишина нарушалась только тиканьем часов. Рядом с ними на журнальном столике, в лужице лунного света плавал телефон.

Внезапно он засигналил.

Веки мои распахнулись, но тёплая нега, пленившая тело, несколько секунд не давала двинуться. Высвободившись, наконец, из трясины дрёмы, я, не вставая с дивана, вялой рукой взял трубку и поднёс её к лицу, – sms... Зевнув, нажал большим пальцем джойстик. Сообщение открылось, и я прочитал:

БУДУЩЕЕ РУССКОЙ ДУШИ ПОД УГРОЗОЙ

Сердце застучало стремительно. Я немедленно спустил ноги с дивана. Вздохла меня, конечно, не угроза «будущему русской души» – такие «угрозы» я получал довольно часто с тех пор, как меня пригласили работать в один из отделов ИМ. Вздохла меня улыбающийся смайл, стоявший после сообщения – то был условный знак. Поэтому я быстренько стал собираться.

Включив свет, подошёл к шкафу – по такому случаю стоит надеть костюм. Чёрт... Ни одной рубашки, чтоб все пуговицы на месте! То одной, то двух не хватает, то на рукаве, то на пузе. Что характерно: когда был женат, все пуговицы на месте были... если и отрывались, то как-то сами собой пришивались. Как развелся – пуговицы начали катастрофически вымирать.

На штопку времени не было. Я нырнул в свитерок и с брелка разбудил свою автоколесницу, которая тут же послушно заурчала под окном.

В застылом безмолвии подъезда мои каблуки простучали вызывающе одиноко; сев за руль, я отправился навстречу запланированному приключению с непредсказуемыми последствиями.

Улицы ночного города были тихи и прохладны; оставив за бампером свой район, я быстро приближался к центру. Мимо скользила отраженная в витринах радуга неоновой рекламы, плавно переливаясь на лобовое стекло моей машины. А вот и место, куда я спешил – улица академика Павлова, 9. Поворот, скрип колёс... Свет фар извлёк из тьмы табличку с надписью «Институт мозга». Припарковав авто, я вышел и отправился вдоль решётки чугунной ограды – для таких, как я, с торцовой стороны имела своя, особая калитка...

САЙТ 2

Миновав небольшой дворик, я проник в помещение и зашагал по пустому и ярко освещённому коридору. Открыв дверь в конференц-зал, я, шёпотом извиняясь, сел на крайнее кресло в ряду. Впереди, на маленькой низкой сцене стоял наш шеф, профессор Рудин, и возбуждённо вещал:

– Мы считали, что созданная нами технология существует лишь в нашей стране. Увы, – мы ошиблись! Несколько часов назад произошло вторжение... взлом нашего сервера!

По залу разнёсся взволнованный ропот.

– Как это произошло, профессор?! – раздался голос.

– Наши сотрудники проводили запланированный сеанс, проверяя новую версию протокола передачи данных. В Сети находилось одновременно семь пользователей, которые общались в психочате. Всё шло нормально, но через некоторое время... в Сети был обнаружен восьмой пользователь!

– Но, может, это был кто-то из наших?

– Исключено! – поморщившись, отмахнулся профессор Рудин. – Вы и сами прекрасно знаете, что существует строгая регламентация проведения сеансов. И конечно, мы связались с коллегами и в Сколково, и в Новосибирске – никто не нарушал регламент. Нет, это было вторжение извне!..

– Но откуда именно? Восьмого как-то опознали?

– Мы работаем над этим. Он не вступил с нами в связь, лишь наблюдал. Это мог быть кто угодно – сотрудник из ЦЕРНа или из Силиконовой долины, или ещё кто. Но сейчас главная проблема не в этом.

Профессор сделал паузу, и произнёс:

– Стало ясно, что мы вступаем в эпоху Психонета. Теперь это уже необратимый процесс. Мы старались, насколько это было возможно, удерживать приоритет в психовиртуальных технологиях за нашим Институтом и в пределах ведомств, сотрудничающих с нами. Но мысль невозможно удержать... информация расплзается, и на научное творчество учёных не наклевывает покрывало. Не сомневаюсь – теперь то в одном, то в другом регионе России, как грибы после дождя, начнут возникать очаги психовиртуального пространства...

– Уже есть! Мы зарегистрировали два простеньких, но вполне сносно функционирующих психосайта, не имеющих никакого отношения к нам, – в Самаре и Калуге! – выкрикнул кто-то из зала. Профессор кивнул, и продолжил:

– Конечно, не сразу эти новички дорастут до нашего уровня, какое-то время мы сможем сохранять своё главенство в этой сфере. Тем не менее, на вас, – профессор обвёл рукой присутствующих, – на нас всех лежит ответственность за то, какой будет Русская Душа. Понимаете ли вы, какая бешеная конкуренция со всеми вытекающими последствиями начнётся со временем в области психопрограммного обеспечения? И возникает задача – обеспечить наше первенство в этой сфере, – пока ещё, я надеюсь, такая возможность имеется, – а также удвоить, – нет, утроить! – темпы и усилия по разработке безопасности Русской Души...

Рудин сделал паузу. Взяв стоявший на кафедре графин, он налил себе воды. В невыносимо напряжённой тишине мне даже показалось, что я услышал звук глотков, которыми Рудин опорожнил стаканчик.

– Теперь – главное! – вновь заговорил наш шеф. – У всех у вас на слуху понятие «технологическая сингулярность», иначе говоря – резкое и чрезвычайное ускорение технического прогресса, когда технологии, раньше развивавшиеся за несколько десятилетий, давая возможность «привыкнуть» к себе, вдруг оформляются за несколько месяцев, и поражают воображение, словно волшебство... это как на конных скачках – с места в карьер, как на автогонках –

разгон до двухсот километров за три секунды!.. Сингулярности предшествует долгая сложная работа, но когда её плоды достаточно накапливаются – пух!!! – Рудин резким жестом раскинул ладони, – ...происходит взрыв... Коллеги! Я вас поздравляю – это свершилось. Здесь и сейчас мы находимся в эпицентре, в самой жаркой точке взрыва! Тому свидетельство – психовиртуальный контакт, осуществлённый, как я думаю, с другого континента, вторжение, из-за которого я вас собрал. Это стало возможным! Сегодня, тринадцатого апреля две тысячи тридцать первого года это стало возможным!

В зале зашумели, раздалась хлопки и возбуждённые реплики, которые впрочем, моментально стихли, как только Рудин вновь заговорил:

– Произошедшее – это начало новой эпохи. И в связи с произошедшим, и с опасностями, могущими возникнуть вслед, – мы должны радикально перестроить нашу работу... И в скором времени мы начнём осуществлять масштабный план «Ч»...

Рудин замолчал, переводя дух. «Че, че... че... че...!» – заметался по устам и разнёсся по залу тихий шелест – словно, вызванный упоминанием «революционности» и «волшебства», явил себя джинн-свободофил, берет сменивший на чалму.

– Что значит – «Ч»? – негромко спросил кто-то из первого ряда.

– «Ч» – значит «Чрезвычайный». Этот план должен будет определить нашу деятельность в сложившихся чрезвычайных обстоятельствах. Друзья!.. Скоро мы увидим новый мир, совершенно новый!.. Вы, именно вы будете его создавать!

В зале раздалось, но тут же и стихли редкие аплодисменты: у кого-то не выдержали нервы.

– Профессор! – подняла руку Лиз.

Мой взгляд немедленно примагнитило к её кисти; я сидел близко, я хорошо видел это тонкое бледное запястье в обрамлении синего рубчика рукава, холёные пальцы, к которым хотелось прижаться щекой...

– ...Вы упомянули о «русской душе» – объясните, что это: какое-то кодовое название? – мне казалось, что все присутствующие с тем же вниманием, что и я, вслушиваются в голос Лиз – одновременно резковатый и мелодичный, почтительный и насмешливый.

– Ах, да! – воскликнул проф, – прошу прощения, в волнении я забыл, что не все присутствующие в курсе... «Русская Душа» – так среди наших сотрудников мы называем нашу внутреннюю, институтскую психовиртуальную сеть, – пояснил Рудин, глядя в сторону Лиз.

Несколько месяцев назад, когда Лиз только прибыла в Россию, мне казалось странным, что шеф не возражал против того, что иностранная журналистка будет посвящена в работу нашей лаборатории и собирается публиковать материал об этой работе. Хотя, с другой стороны, даже если бы Лиз имела соответствующую подготовку, вряд ли бы она смогла вникнуть в суть наших разработок, чтобы передать их на сторону: Рудин лично зорко следил за её экскурсиями в стенах лаборатории и объяснения ограничивал весьма поверхностными формулировками, от технической тематики уводя разговор к общим рассуждениям. Возможно, таков был его расчёт – напичкать журналистку-иностранку впечатлениями, дабы через неё подразнить зарубежных коллег: вот, мол, – взгляните, впечатлитесь, – вам не допрыгнуть!

Однако допрыгнуть кое-кому всё же удалось... интересно, сможет ли профессор и его команда, то есть – наша команда, обнаружить лазейку в Русскую Душу? Или же они так и будут думать, что «её будущее под угрозой»? В любом случае...

– ...В любом случае, – будто подхватывая мои мысли, заявил профессор, – сейчас нам необходимо увеличить, так сказать, «армию» наших сотрудников. Имеющийся штат не справится с задачами, встающими перед нами. Поэтому я и вызвал вас. Поэтому те, кто прежде находился в состоянии лаборанта-соискателя, отныне становятся... полноправными сотрудниками!

«О-о!...» – раздалось в зале, кое-кто даже вновь не удержался от аплодисментов.

– Более того, – продолжил профессор, – полномочия и технические возможности, предоставляемые сотрудникам, теперь существенно расширятся...

Йес!!.. Кто-кто, а я-то знал, что стоит за словами «технические возможности расширятся»...

Каштановые пряди небрежно качнулись, я еле успел отвести взгляд. Она всё-таки повернулась и посмотрела на меня! Ещё бы – теперь на меня стоит смотреть... с кем бы заключить пари, что теперь-то у неё найдётся время пообедать со мной? Никто не замечал моей к ней симпатии, придётся держать пари со своим вторым «я». Жаль, второе «я» не заплатит мне в случае проигрыша.

– Дальнейшие инструкции вы получите в течение ближайших суток. Спасибо за внимание! – профессор шагнул со сцены и двинулся в сторону выхода. Народ, возбуждённый новостями, не спешил покидать зал. Кто-то горячо обсуждал услышанное, кто-то, наоборот, сидел в прострации, положив руки на спинку переднего кресла.

– Извините!.. – я протиснулся между спинкой кресла и одной из сотрудниц, приблизился к мисс Этеридж и сел рядом с ней. Она не повернула головы; наклонившись вперёд, разглядывала что-то в блокнотике, постукивая авторучкой по своим губам.

– Какого вы мнения о том, что услышали? – спросил я.

Лиз медленно и расчётливо выпрямилась, и я, как идиот, не смог не уставиться на плавные линии, обрисовывающие её грудь под свитером.

– А вы? – произнесла она. – Думаю, вам, как перспективному специалисту, более понятно то, что произошло...

Ух ты! Льстит, – это раз, и, возможно, завуалированно напрашивается на обстоятельный разговор, – это два...

– Я не всё успела записать... может, вы проведёте со мной небольшой техминимум?

Так и есть! Милая, – да с тобой-то я даже техмаксимум не против провести...

Вслух же я произнёс:

– Если вы не против, здесь рядышком симпатичное кафе, – можем посидеть...

Лиз взглянула на меня коротко, но цепко:

– Я не против. Прямо сейчас?

– Почему нет? – отвечал я, и уже оторвал зад от кресла, но тут...

– ... Эй!.. – раздался до боли знакомый голос.

Я повернул голову: возле одной из дверей, ведущих в зал, толпилась группка наших сотрудников, окруживших Рудина с расспросами. Из группки, глядя на нас с Лиз, помахивал нам рукой Стива. Я помахал ему в ответ.

– Я сейчас! Подождите меня! – широко улыбаясь, крикнул Стива и отвернулся от нас к Рудину. Мой добрый друг наивно полагал, что именно сейчас мы чрезвычайно нуждаемся в нём. Мысленно чертыхаясь, я растянул губы в улыбку и, кивнув Стиве в ответ, вернул зад в кресло.

– Ваш друг что-то хочет вам сказать, – произнесла Лиз. Я в досаде лишь промычал. Вот же некстати, а?!.. Теперь он не отвяжется... А выдавать моё желание побеседовать с Лиз наедине мне не хотелось. Через полминуты, кособоко шагая между рядами, к нам приблизился Мстислав.

– Ну, что?! – всё так же широко улыбаясь, спросил он и плюхнулся в кресло рядом. – Что скажете о докладе шефа?

– Мы как раз собирались побеседовать с Уиллом на эту тему... и не только, – сказала Лиз.

– С Ильёй? – переспросил мой друг – он никак не мог привыкнуть, что англоязычная журналистка, оттолкнувшись от созвучия, кличет меня по-своему, – «Уилл», а его самого – «Стив».

– А! Очередное интервью? Давайте приступим! – приосанился Стива.

Я кашлянул, и произнёс, выразительно глядя в добрые глаза друга:

– Мы тут в кафе собрались...

– Ну так я готов! – бодро ответил Стива, хлопнув себя по коленям. – Идёмте!

Как ни старался, я не смог удержать тяжкий, почти горестный вздох разочарования. И мы втроём отправились в кафе.

САЙТ 3

Рудин в Институте единственный, кто не подшучивает над внешностью Стивы. Действительно, друг мой являет собой не самый характерный типаж сотрудника серьёзного НИИ: лимонно-жёлтая футболка, джинсовые бриджи, серьга в ухе, чёрная короткая бородка и длинные волосы, собранные на затылке в хвост. Наша гардеробщица, баба Женя, миниатюрная, но темпераментная бабулька, постоянно делала замечания Стиве по поводу его внешнего вида. «Оболтусу уж под тридцать, а он всё в шортиках бегает!» – ворчала баба Женя, яростно копаясь спицами в своём вечном вязанье. «Шортиками» она называла Стивины бриджи. В ответ мой друг нежно скалился, сгибался пополам и пытался обнять бабу Женю. Она отпихивалась, сердито и тоже нежно ворча: «Уди, грех волосатый! Когда бороду сбреешь? Пока не сбреешь – ни одна за тебя замуж не пойдёт!»

Когда Стива со своей раскованной походкой появлялся в коридорах, издали можно было принять его за тинэйджера-переростка, который, вихляясь под рэп в наушниках, невесть каким образом забрёл в наш Институт. Заставить его облачиться в пиджачную пару мог только симпозиум с присутствием иностранцев. Но надев костюм, Стива уже сам над собой подшучивал. Осматривая рукава, он говорил, что «теперь выглядит, как какой-нибудь «зализанный ботаник». Одновременно с этим он с усмешкой окидывал меня выразительным острым взглядом сквозь стёкла своих очков, – точно так же, как он делал это сейчас, потягивая пиво за столиком кафе.

– Мне казалось, я уже немного... как это вы говорите... немного «подкована» в теме. Однако на экстренном собрании мистер Рудин (Лиз произнесла фамилию нашего дорогого шефа с ударением на «и») говорил о вещах, которые мне непонятны... «Психонет», «психопрограммное обеспечение», «русская душа»...

– Ну, дорогуша, русская душа вообще мало кому понятна, такова уж её природа, – развязно проговорил Стива. Он сидел, вольготно развалившись на диванчике и вытянув ноги далеко под стол. На столе меж бокалов с пивом лежал диктофон, но Лиз ещё и блокнотик приготвила, и, едва Стива открыл рот, новострила ручку писать.

– А психопрограммное обеспечение... – Стива округлил губы трубочкой и смачно хлюпнул, втягивая пористую пивную пенку, – ну, это, упрощая и говоря коротко, продукт по типу макроса, который можно сваять в ВС12031, во второй версии, – нет! – лучше в третьей, обкатать на нейромодели и потом воткнуть его через наш лабораторный НКИ сначала в комп, а оттуда – в мозг. И всё – пси-софт готов, извольте юзать! – Стива вновь отхлебнул из бокала. – А я, например, иной раз даже дома на «Интендиксе» вкачку делаю... вон в его мозг – он не против побыть подопытной мышью! – кивнув на меня, хохотнул Стива.

Лиз переводила взгляд со Стивы на меня и обратно.

– Ин-тен-диск?... – по слогам выговорила девушка.

– «Дикс» на конце, не «диск», а «дикс»! – поправил Стива, и собрался продолжать, но я, до того момента досадливо молчавший, решил, наконец, вмешаться – ведь это всё-таки именно со мной Лиз договорилась о встрече.

– Я думаю, чтобы мисс Этеридж было понятнее, не с этого надо начинать. Позвольте мне... – я метнул на Стиву такой свирепый взгляд, что даже он понял, и углубился в дальнейшую дегустацию пенного напитка.

– Давайте так: для начала – немного истории. Ну, что такое НКИ, вам, должно быть, известно... – заговорил я.

– Эн-ка-и? На русском это, кажется, сокращение по первым буквам слов «нейро-компьютерный интерфейс»? Да, я готовилась перед поездкой...

– И что же это?

– Ну-у, это приспособление для передачи мыслей... в компьютер... то есть, через компьютер... или... – Лиз замялась, затрудняясь точнее сформулировать на русском и помогла себе руками – жестикулируя, закончила:

– Такая штучка, наподобие датчиков для снятия энцефалограмм. Её надо надевать на голову... я видела в одном медицинском центре, – трогательно заключила она.

Стива снисходительно захмыкал, я взглянул на него и он понятливо погрузил свою ухмылку в пиво.

– Да, в общих чертах, – кивнул я, – только «для передачи мыслей» – это не очень удачное выражение... Точнее, это не настолько уж простой и прямой процесс, как вы описали. Дело в том, что, как вы помните из курса физики, мозг человека имеет электрический потенциал. Или, иначе говоря, в процессе мышления мозг человека вырабатывает слабые электрические импульсы. А электричество – ...

– ... электричество – это «язык», на котором «разговаривает» компьютер, – вмешался Стива, поменяв позу и опершись локтем о спинку диванчика.

– Да, но электричество человеческого мозга имеет свои особенности. А НКИ как бы «переводит» электрические импульсы мозга в систему сигналов, распознаваемых компьютером как конкретные команды, – дополнил я, и продолжал:

– Эту технологию начали разрабатывать ещё во второй половине двадцатого века. И, как вы заметили...

– Слушайте, а чё мы всё на «вы» да на «вы»? Давайте на «ты», к чему эти церемонии! – шумно предложил Стива.

Я вопросительно посмотрел на нашу интервьюершу. Она улыбнулась, и я воспринял это как знак согласия.

– Так вот, – ты упомянула про НКИ, который видела в медицинском центре, и действительно, первоначально НКИ задумывался как средство общения с больными, лишенными возможности передвигаться и говорить, а также для глухонемых. Но, развиваясь, НКИ открывал все новые свои грани...

– Ты смотри, блин, – чешет, как на лекции!.. – покачивая головой, бормотнул Стива.

Я, честно говоря, в жизни-то выражаюсь попроще, но на столе лежал диктофон, а на меня смотрела самая очаровательная журналистка в мире, поэтому я старался.

– Короче, Склифосовский! – бросил мне Стива. – А то дама уснёт, или кафе закроют.

Мой друг повернул лицо к Лиз:

– Илюша слишком издалека начал. Я тоже, помню, когда студентом был, в научном музее видел допотопные устройства – надеваешь на башку, думаешь о тех действиях, которые хочешь выполнить на компе. К примеру, подвинуть курсор по экрану к картинке, щелкнуть кнопкой мыши, открывая какую-нибудь программу. Думаешь, НКИ переводит, и комп выполняет. Забавно, но это каменный век. Очень примитивно и медленно. Хотя в начале двадцать первого века, когда мы с Ильёй пешком под стол ходили, такая штука, наверное, чудом казалась.

– Сейчас, конечно, всё это выглядит и действует намного совершеннее, да и сама технология со временем перестала быть достоянием (Стива аж глаза закатил и языком прищёлкнул, услышав слово «достояние») узкого круга специалистов и стала (я с вызовом повторил слово) достоянием широкого круга потребителей... Вы... – я поправился, – ты сама знаешь... дороговато, конечно, но некоторые приобретают... естественно, для массового пользователя выпускают простенькие модификации.

– Да уж! – фыркнул Стива и, встрепенувшись, обратился к Лиз:

– А я покажу тебе, с чем мы работаем!

– Но ваш шеф, профессор Рудин, сразу дал понять, что возможность посещения лаборатории исключена, – заметила Лиз.

– Само собой, – секретка. Но нам туда и не надо! Приглашаю в гости – у меня дома покажу, как мы с Ильёй... «домашнее задание» готовим! – засмеялся Стива. – Новейший «Интендикс» покажу, покажу, как в Психонет выходить...

– Да, – Психонет! Вы ведь так и не сказали, что это такое! – встрепелась Лиз.

– Это потому что он не дал мне сказать! Прерывает всё время... – сердито воскликнул я, взглянув на Стиву.

Повисла пауза, во время которой Стива с добородушно-виноватым видом смотрел в бокал, а Лиз, скосив глаза, с сочувственной улыбкой смотрела на Стиву.

– Так вот, – продолжил я, – когда стало возможно электроимпульсами мозга управлять выполнением действий на компьютере, некоторым инженерам пришла в голову такая мысль: а что, если объединить действия одновременно нескольких пользователей НКИ?

– То есть?

– То есть объединить в сеть несколько компьютеров, каждым из которых пользователи управляют только мыслью при помощи НКИ. И такая сеть была создана! Но она была локальной. А следующим шагом был выход уже в Сеть глобальную – в Интернет.

– Мысленно?! – поражённо воскликнула Лиз. Я кивнул:

– Точно. Это произошло лет двадцать назад... где-то году в две тысячи десятом, примерно. Это был единичный, разовый и полузабывшийся эксперимент...

– Между прочим, твой земляк отличился, – вставил Стива. – Эдам Уилсон, из университета Висконсин.

– Я из Мэриленда, – сказала Лиз.

– Да какая разница, всё равно Штаты, – отмахнулся Стива.

– ...Этот парень передал по Интернету первое текстовое сообщение, написанное с помощью электрической активности мозга.

– Фигня какая-то, коротенькая фраза, несколько слов всего, но сам факт – это было нечто! – с уважительной интонацией протянул Стива.

Лиз нахмурилась, словно пытаясь что-то вспомнить:

– Кажется, я что-то видела об этом... или слышала... да-да-да, точно! – Лиз хлопнула в ладоши. – Я тогда ходила в начальную школу. Одна знакомая моего отца рассказывала ему об этом случае. Она работала в «Санди таймс» и, вроде бы, там у них была статья про это!

– Ну вот, а потом уже возникла идея создания нейрокомпьютерной, или, по-другому, психовиртуальной, сети, не ограниченной рамками одного или нескольких учреждений. Собственно, мы и занимаемся подготовкой к этому – к созданию глобальной Сети, в которой будут выполняться различные операции через одновременные психические процессы множества разных людей, то есть соединение их индивидуальных сознаний...

– Соединение индивидуальных сознаний... – задумчиво протянула Лиз. – Но ведь это, в перспективе...

– Психический Интернет, – подытожил, как припечатал, Стива. – Об этом сейчас много говорят и пишут, и на Западе тоже. Но там это позиционируется пока просто как новое средство связи, – мы же в России считаем, что это полностью перевернёт ход цивилизации...

– А ведь действительно! – прошептала Лиз возбуждённо – видимо, связав всё услышанное в уме и начиная по-настоящему понимать грандиозность обсуждаемого. – Получается, Интернет – это как бы подготовительный этап для возникновения психовиртуальной среды? – спросила она. Мстислав кивнул:

– Да, пожалуй, можно и так сказать. Человек когда-то создал Интернет во многом по образу и подобию своего, человеческого мышления. Некоторые из существующих компьютерных сетей создавали, сознательно и целенаправленно копируя человеческую нервную систему – настолько ее посчитали совершенным образцом системы передачи информации!

– И даже сам способ функционирования человеческой психики во многом подобен Интернет-активности. Возникновение мысленных ассоциаций, методы вспоминания, ссылки – все это очень напоминает курсирование запросов и передачу информации в Интернете, – уточнил я замечание друга, и добавил: – Вот Мстислав сейчас сказал, что «человек когда-то создал Интернет по образу и подобию своего, человеческого, мышления». А теперь Интернет подсказывает нам, как должен выглядеть Психонет. Ты не представляешь, как много у них похожего! Психонет – это, во многом, словно привычная нам Сеть, но Сеть, перенесённая в наш, человеческий, внутренний мысленный мир, и это Сеть, для строительства и освоения которой главный инструмент – человеческий мозг и его процессы. А они пока ещё недостаточно организованы для этой цели, и здесь у нас много работы...

– ... И в Сети, о которой вы говорите, компьютеры, подключенные через НКИ к Интернету – это как-будто бы нервные клетки – нейроны, а синапсы – это... пути выхода в Сеть! А определенные центры мозга – домены и серверы! – жестикулируя и блестя глазами, увлечённо выстраивала Лиз свои журналистские – а, впрочем, довольно удачные – сравнения и догадки, одновременно строча в блокнотике. Было видно, что она увлеклась не на шутку; при этом раскраснелась, похорошев ещё более.

– Аналогия напрашивается, – кивнул Мстислав.

– Да, в такой идейно-питательной атмосфере, конечно, создание некой электронно-психической Сети представляется естественным, и даже закономерным явлением... – Лиз нервно постучала авторучкой по своим прелестным губам, потом, что-то вспомнив, негромко засмеялась: – Ну конечно! Тейяр де Шарден, или ваш Вернадский... Ноосфера – «сфера разума»... Слияние индивидуальных сознаний в коллективное...

– Total ratio, – произнёс я определение, которым любил пользоваться наш дорогой шеф, профессор Рудин.

– Что? – спросила Лиз.

– Tota ratio – Всеобщий разум, – перевел Стива.

Мы замолчали. И словно вынырнули из нашей увлечённой беседы; и нас охватили окружающие звуки: доносящийся от барной стойки стук и звяканье пивных бокалов, говор посетителей и приглушённая музыка.

– Очень хочу попробовать! Выйти в Психонет... – возбуждённо и горячо прошептала Лиз.

– Попробуешь. Всё впереди, – мгновенно пообещал Стива – опять, скотина, перехватил инициативу в ухаживаньи.

САЙТ 4

Пока в чёрном окне одна за другой размазывались слепящие кляксы огней метро, я решил: пора раскрыть карты. Приду, сознаюсь, повинюсь... Почему я так волнуюсь?! Шеф мужик с мозгами и с юмором, поймёт, простит... я могу представить всё дело как выходку пусть и своевольную, но в итоге оказавшуюся даже полезной. Меня не наказать, а премировать за это полагается, – так я пытался расхрабриться, внутренне готовясь к объяснению с Рудиным. Однако волнение не рассеивалось. В голову, одно за другим, лезли сомнения и страхи. Более всего меня волновало следующее соображение: мало того, что я поставил на уши весь Институт, вдруг плодами моей выходки готовятся воспользоваться *другие*?! От этой мысли у меня похолодели и стали влажными ладони... Нет, нет, решено – как только Рудин вернётся, всё ему расскажу.

Через пятнадцать минут я со Стивой был уже на территории ИМ. Мы не предполагали застать там Рудина, потому как он собирался уезжать. Но, очевидно, управившись с делами, он вернулся раньше, и сейчас, восседая за пультом, общался по громкой связи с обитателем нашей лаборатории.

– ... Важнейшим из искусств для нас являются компьютерные игры, батенька!.. – с характерной картавостью наставлял голос из динамика. – У них ба-альшее будущее! Характеристики игр уже сейчас приближают их к ощущениям реальности...

– Психовиртуальность заменит реальность?... – вклинился Стива. – Здрасьте, Михал Потапыч...

Рудин обернулся и кивнул.

– Приветствую, дгузья мои!.. Нет, мой догогой, – не заменят геальность, а будут конку-гивовать с ней! А в чём, по-вашему, вообще смысл такого феномена, как игры? Игра – это же способ проектирования реальности, это реализация сокровенного и фундаментального побуждения человеческой натуры – подчинять своей власти происходящее, управлять им, строить по своему усмотрению...

– А мы с Ильёй... мы тут хотели кое-что доделать... – сказал Мстислав, обращаясь к Рудину.

– Пожалуйста. Я всё равно уже собирался уходить. Пульт нужен?

– Да. Я тут одну программку написал... правда, она ещё сыроватая, но... – с этими словами Стива подошёл к пульту и надел каркас НКИ на голову. Пульт замигал, на мониторе нетопливо начала застёгиваться «молния» загрузки. Через полминуты программа запустилась.

– Это вы вместе с Ильёй сделали? – спросил Рудин, открывая папки.

– Нет, я тут ни при чём, – покачал я головой. Стива скромно опустил глаза.

– Оч-чень, оч-чень любопытно... – проговорил шеф, кликая мышью, просматривая под-мению и забираясь в отдельные папки с файлами. Мы стояли за спиной профессора, а он увлёкся настолько, что, похоже, забыл про нас. Нахмутив брови, вытягивая губы вперёд, что-то бор-моча и покачивая головой, Рудин погрузился в изучение опуса, созданного моим другом. Нако-нец, проф отлип от монитора, обернулся и произнёс:

– Как я понимаю, это некий аналог функции «приглашение удалённого помощника»?

Стива пожал плечами:

– Ну, можно и так сказать... хотя я планировал нечто большее. Разрешите? Мой друг завладел мышкой, и пустился демонстрировать:

– Вот... видите? Я хочу, чтобы пользователь мог не только принимать чужую помощь. С помощью этой программы пользователь сможет производить репликацию индивидуальных схем образования синаптических связей других пользователей, и адаптировать их в свой мозг...

– О! Это здогово! Да вы, батенька, пгосто гений! «Скачать», словно компьютерную программу из Интернета, математические или музыкальные способности из мозга их носителя и «установить» их в собственный мозг – это впечатляет!.. – с неподдельным восхищением воскликнул голос из динамика. И добавил уже чуть ехидно:

– Интегесно, – а какие особенности вы желали бы скопировать с моей, так сказать, псюхе?

– Силу воли, – серьёзно ответил Стива. – Пожалуй, это самая ценная характеристика вашей психики, Владимир Ильич... Особенности кортикальных клеток вашего мозга, отвечающие за протекание интеллектуальных процессов, а также интенсивность излучения бета-волн – всё это, конечно, имеет огромное значение... но воля, сокрушительная способность во что бы то ни стало доводить намеченное до реализации – это важнее!

Стива говорил так убеждённо и проникновенно, что мы все замолчали, слушая его. А Ильич даже расчувствовался:

– Спасибо, дуг мой... за столь высокую оценку моих когтикальных клеток... – из динамика раздался лёгкий всхлип. – Я помню, как-то раз, в ссылке... – воодушевившись и чуть в нос, как человек, справившийся с подступившими слезами, пустился было в воспоминания Ильич, но Рудин прервал его, одобрительно похлопав Стиву по плечу:

– Весьма, весьма! Однако для обстоятельного анализа мне потребуется время. Вы вернулись, чтобы заниматься этой вещью? У меня предложение: давайте-ка всё же оставим сей программный шедевр до завтра, а сейчас отправляйтесь домой. Завтра вы мне нужны будете со свежими, отдохнувшими мозгами, – и проф, подхватив пиджак со спинки крутящегося кресла, двинулся к выходу.

Завтра... Я и сам планировал завтра, но завтра будет хлопотный день... может, воспользоваться внезапным возвращением Рудина? Рабочий день заканчивается, Институт полупуст, это как-то облегчает мою задачу... может...

Когда Рудин уже дошёл до двери и взялся за ручку, я всё-таки собрался с духом и торопливо бросил ему в спину:

– Профессор! Мне бы хотелось с вами поговорить... очень нужно... – сказал я настойчиво, но тихо, чтоб не особо привлекать внимание Стивы. Тот, впрочем, уткнулся в монитор и ничего не слышал.

Рудин обернулся и взглянул на меня:

– Может, завтра?

– Нет-нет, это... – я чуть запнулся, не желая говорить «срочно», чтобы не вызывать излишнее любопытство ни у профа, ни у Стивы, – это... это займёт всего пять минут.

– Хм... – Рудин окинул меня взглядом и кивком поманил за уже приоткрытую дверь:

– Ну хорошо, идём.

– Раз так, – я пока хоть чуточку здесь поковыряюсь. Илью подожду, – вымолвил Стива.

Мы с Рудиным поднялись из подвального этажа, и он, небрежно покачивая чёрной кожаной папкой, зажатой в руке, на ходу спросил:

– Ну?

Беседовать с ним в коридоре или в холле? Не-ет, – я же прекрасно знал, что здесь у стен радиоуши, а у потолка видеоглаза.

– Михал Потапыч... Давайте лучше в вашем кабинете?...

Рудин пристально поглядел мне в лицо и без слов зашагал к лестнице. Оказавшись в кабинете шефа, я от волнения сел на стул раньше хозяина, не дожидаясь дежурного «присаживайся».

Рудин сел за стол и принял «позу» – локтями опершись о столешницу, сцепив пальцы и подавшись корпусом вперёд. Почему-то эта поза вызвала ассоциации со львом, собирающимся броситься на жертву из засады.

– Михаил Потапыч... – голос у меня сорвался, я замолк и откашлялся.

– Михаил Потапыч, я хочу... я должен вам сказать... вы только не сердитесь... ничего же страшного не произошло!.. – забегая вперёд, я уже начал его уговаривать.

– Начало интересное, – кивнул Рудин. – Продолжай!

– В общем... Михаил Потапыч, это я взломал наш сервер.

Секундная тишина, которую полностью заполняло буханье моего сердца.

– Это я тогда проник в Русскую Душу и был тем самым восьмым, неопознанным пользователем...

Вновь тишина.

– Всё? – мягко произнёс Рудин и склонил голову набок.

Плохо дело... Раз он такой спокойный – выпрет из Института, точно... Я молчал, совершенно сбитый с толку его реакцией – не то что гнева, он даже легчайшего удивления не выказал!

– Разумеется, Илья, это был ты. И ты всё сделал очень ловко и профессионально, думаю, как твой наставник, я имею право тобой гордиться, – тишину кабинета прорезал звук воды, струящейся из графина в стакан.

Чёрт возьми... Что за...? Откуда он?!

Рудин выпил, встал, и, обогнув стол и внимательно глядя мне в лицо, подошёл ко мне и чуть хлопнул ладонью меня по плечу:

– Эй! Очнись! Прямо оцепенел весь...

А затем он произнёс несколько слов, которых я ну совсем не ожидал:

– Успокойся, всё в норме. Твоё вторжение было предусмотрено.

«Предусмотрено»? Как?... Кем?!

Рудин прошёлся взад-вперёд, затем присел на край стола лицом ко мне и дружески-заговорщическим тоном спросил:

– Как тебе мисс Этеридж? Славная девушка, верно?

– Лиз? А п-почему вы о ней спрашиваете? – выдавил я. Рудин улыбнулся:

– Ты её уже запросто, по имени? Замечательно! Встречаетесь с ней?

Я машинально кивнул. Если бы я не был так ошарашен, я в возмущении как-нибудь увильнул бы от вопроса Свиридова – что за беспардонность лезть в чужую личную жизнь! Какое ему дело, с кем я встречаюсь!

– И о чём вы с ней беседуете?

Чёрт!.. Может, тебе ещё доложить, успел ли я залезть к ней в трусики?!

Шеф вновь открыл рот, видимо, намереваясь продолжить свой допрос, который всё больше сбивал меня с толку, но тут зазвонил телефон, стоявший на столе. Рудин, не оглядываясь, отвёл руку назад, снял и положил трубку обратно.

– Ну-ну, Илья! Поделись, не смущайся...

Я откашлялся.

– Михал Потапыч, я не понимаю, какое отношение имеет...

– Я тоже пока не вполне понимаю, но твоя... дружба с мисс Этеридж нам на руку, и с твоей помощью, надеюсь, всё прояснится.

– Что прояснится?

– Прояснится, что за птица заграничная девица. Видал, как я – виршами, виршами?! – хохотнул Рудин, вновь наливая себе воды.

– Вы о Лиз?

– О ком же ещё? Ну, на самом деле, интересно, конечно, не то, кем является наша журналистка, а то, что за люди за ней стоят и каковы их намерения.

– Михал Потапыч, вы что-то совсем меня запутали! – я помотал головой. – Я вам про вторжение в Русскую Душу, вы мне – про нас с Лиззи. И какие такие «люди, которые за ней стоят»? У вас что, появились основания подозревать Лиз в технологическом шпионаже?

– Учитывая специфику нашей деятельности, основания для подозрений имеются всегда...

– Михал Потапыч, объясните! – взмолился я.

– Ладно, Илья, не буду тебя мучить, – сказал Рудин, и взял серьёзный тон:

– Когда от зарубежных информационных агентств поступила просьба насчёт того, чтобы подготовить серию публикаций о наших разработках, якобы для научных сообществ, я, естественно, сразу предположил, что тут вполне могут иметь место шпионские поползновения... В связи с этим необходимо было выяснить ряд вопросов. Каким именно образом эти поползновения могут осуществляться? Кто их заказывает? Что именно интересует заказчика в нашей работе? – перечислял Рудин.

Я молчал, пока ещё ничего не понимая.

– Выяснить все эти вопросы надо было как можно незаметнее... На данном этапе я не хотел привлекать людей из спецслужб, никаких филёров-соглядатаев, ничего такого. Желательнее всего было бы, чтобы человек, который помог бы выявить намерения мисс Этеридж, сам не подозревал о такой вот своей миссии... – произнёс мой шеф и сделал паузу, воспользовавшись которой, я торопливо вставил:

– И вы возложили на меня эту миссию? Я всё равно не понимаю! При чём здесь взлом Русской Души? И потом, взломать сервер – это была моя идея! – последнюю фразу я произнёс с некоторым даже горделивым вызовом, хотя это было прямым признанием того, в чём я пришёл повиниться шефу.

Рудин в ответ молча покачал указательным пальцем.

– Не спеши, Илья... – произнёс он. – Прежде всего твоей идеей было понравиться мисс Этеридж...

– Ну допустим! Ну и что?! – с вызовом воскликнул я. Неужели влюблённость – такая заметная штука?!

– А что старается сделать мужчина, чтобы привлечь к себе внимание возлюбленной? Видимо, поразить, чем-то заинтересовать? – сказал Рудин. Ушам моим стало становиться горячо, но я молчал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.